

Роман Воликов

Бургомистр

Роман Воликов

Бургомистр

«Издательские решения»

Воликов Р.

Бургомистр / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830914-4

Мы не ангелы, темные твари сорвали нам планки. Если нас спросят, чего мы хотели бы, мы бы взлетели, мы бы взлетели... Нету к таким ни любви, ни доверия, люди глядят на наличие перьев...

ISBN 978-5-44-830914-4

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Бургомистр

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2016

ISBN 978-5-4483-0914-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первым делом я, конечно, подумал о Ганночке. С прошлой осени она училась в индустриально-педагогическом техникуме в Москве. Надо ехать, забирать, пока не поздно. В том, что немцы к августу будут в Белокаменной, я почти не сомневался

Вечером «на огонёк» заглянул Каминьский.

– Ну, что, дождалась?! – сказал он и поставил на стол бутылку «Командирского».

– Не говори гоп, – сказал я. – Третий день войны, неизвестно, как повернётся.

– Я был сегодня в райисполкоме, – Каминьский налил две рюмки. – Паника и неразбериха полнейшая, представляешь, что на фронтах творится. Ну, за скорое освобождение, Константин Павлович.

С Каминьским мы вместе сидели в иркутской пересылке. Сразу подружились, у нас у обоих судьбы как перевертыши. Я в шестнадцатом ушёл со студенческой скамьи Петербургского университета добровольцем на Мировую. После революции воевал с красными в армии Комуча¹, потом у Колчака, с двадцать первого командир пулемётной команды в отряде эсеров Вакулина и Попова², которые с большевиками на Волге сражались.

Каминьский с февраля восемнадцатого года в Красной Армии. Он по паспорту поляк, по матери немец, а в душе русский. Когда кайзеровские войска под Псковом стояли, пошёл, сопливый мальчишка, Отечество защищать. Большевики тогда всех принимали, не больно-то много желающих воевать за народную власть находилось. Защищал, правда, Каминьский Отечество больше писарем при штабах.

Меня в конце двадцать первого года в бою под Всехватском тяжело ранили. Еле выжил, Анна, моя будущая жена, вышла. И пошла у нас жизнь на перекладных, в одном городе поживём, в другом, я документы раздобыл поддельные, очень мы надеялись в Харбин уйти, но не получилось.

Каминьский после Гражданской вернулся в Петроград, закончил с отличием Политехнический институт и трудился химиком на заводе «Революция». Болтал много лишнего, недовольство совдеповскими порядками проявлял, поэтому после убийства Кострикова³ поехал, как миленький, десять лет мотать, ещё по-божески дали на изучение географии от Ледовитого океана до Тихого.

В том же году мы с Анной посоветовались и решили, что мне лучше явиться в органы с повинной.

– Надо сделать опережающий ход, – сказала Анна. – Всю жизнь бегать всё равно не удастся, сочиним легенду, что тёмный был, запутавшийся, а потом боялся сознаться, в боях не участвовал, по интендантской линии служил, кто сейчас проверит, столько лет прошло.

---

¹ Комитет членов всероссийского учредительного собрания, первое антибольшевистское правительство, организованное 8 июня 1918 года в Самаре. В декабре того же в результате военного переворота ликвидировано Верховным Правителем А. В. Колчаком

² повстанческие антибольшевистские отряды в Тамбовской и волжских губерниях в 1920—21 гг.

³ Настоящая фамилия С.М.Кирова, революционера, советского партийного и государственного деятеля. Занимал пост первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б), убит в результате покушения 1 декабря 1934 года, что послужило началом Большого Террора.

Так оно и вышло, чекисты не стали подробно интересоваться моей биографией, вклеили пять лет поселения и закрыли дело.

В тридцать седьмом в Сибири меня снова забрали, верно, узнал кто из тех «чоновцев»⁴, с которыми на Волге воевал, копать начали подробно, но повезло, расстрельный вал такой был, что не до старых дел, власть своих выкормышей гнобила.

Меня и Каминьского освободили по бериевской амнистии тридцать восьмого года. Мы ткнули пальцем в небо, в список городов, не запрещённых для проживания, и поехали на Орловщину, он – инженером на спиртовой завод, я – преподавателем физики в техникум.

– Я тебя понимаю, Константин Павлович, – сказал Каминьский. – Я от фрицев сам не в восторге. Звери они, что ни говори, слышал от беглых поляков, что они в тридцать девятом в Польше творили. Но по мне лучше немецкая палка, чем большевистская.

– Без палки никак? – сказал я. Мы уже почти приговорили бутылку коньяка.

– О чём ты, – отмахнулся Каминьский. – На нынешнем историческом этапе никак. Ты посмотри, что в мире творится: диктатор на диктаторе сидит и диктатором погоняет, хоть в Англии премьер-министром называется, а в Америке президентом. Про нас скромно промолчу. Эпоха острых социальных противоречий. А потом я тебе так скажу, если дать народу право своей судьбой распоряжаться, ничего путного не выйдет. Ты же за свободу этого народа кровь проливал, а потом полжизни по норам прятался и в камере сидел. Спасибо народу от пояса!

– Это не народу, – сказал я. – Это победителям. А чего ты хотел? Чтобы меня в покое оставили? Так не бывает.

– Мне пяти лет в лагере ой как хватило, – сказал Каминьский. – Я этих гадов большевиков голыми руками давить буду. Глотки буду рвать и не подавлюсь.

– Наше дело в это лихолетье выжить, – сказал я. – За дочкой хочу поехать, из Москвы забрать, дома под мамкиной юбкой как-то спокойнее.

– Если ехать, то не откладывая, – сказал Каминьский. – Всеобщая мобилизация объявлена, людям призывного возраста запрещено покидать место жительства. Пока бардак, можно проскочить. Директор наш в запое, со страху, видно, что на передовую отправят, я тебе командировочные бумаги за него выправлю.

– Выправляй, – сказал я. – Завтра и поеду.

Городок наш имеет смешное название – Локоть. Городок не велик, но и не мал, пять тысяч душ по последней переписи. Бывший царский конный завод, фельдмаршалом Апраксиным основанный, спиртовой завод, молочный, на окраине две современные лесопилки. Среди бескрайних брянских лесов, на берегу притока Десны – Неруссы, воздух такой, пить хочется. До революции здесь было личное имение великих князей Романовых, они красивый парк обустроили, несколько каменных зданий на главной улице возвели. Народ живет степенный, солидный, к культуре тянется, при тех же князьях хорошую библиотеку организовали, по воскресеньям два раза в месяц в клубе дают театральное представление. Труппа любительская, но недурная.

– Не думал, что так жизнь повернётся, – сказал я вполголоса, покидая ранним утром на подводе сонный городок. – Видно, бог решил, что я не навоевался.

Когда с Анной и Ганночкой поселились в Локоти, я был убежден, что доживу свой век спокойно. Конечно, совдеповские порядки сидели мне в печёнках, эта вечная русская дурь и тупость, помноженная на демагогию, какой при царях не было, жизнь с оглядкой, перед тем

---

⁴ части особого назначения (ЧОН) – карательные подразделения Красной Армии в 1921—25 гг.

как сказать, сто раз подумай, но с другой стороны, сорок шесть лет, дочка – взрослая барышня, ей бы из этого скотства, в котором мы пребываем, вырваться.

Я был абсолютно уверен, в отличие от многих, что войны не будет. Они, конечно, оба монстры, Гитлер и Сталин, но если передерутся, то победителей не окажется, оба издохнут. Когда в тридцать девятом пакт о ненападении подписали, я так Анне и сказал: «Не видать нам нормальной жизни, так и помрём под деспотом». Но, видно, что-то не срослось у них, каждый решил, что он хитрее дьявола и святее Папы Римского, вот и побежали наперегонки, власть голову вскружила.

До Брянска добирались долго, мучительно. Шоссе было забито в обе стороны, и на запад, и на восток. На запад шли военные колонны, как я понял, курсанты пехотных училищ. Мальчишки совсем, держались молодцевато, ухарски, пели песни и кричали похабщину. На восток тоже двигались по большей части автомобили, партийные и советские работники со скарбом, кто с семьями, кто поодиночке. Все такие же командировочные, как и я.

В Брянске узнал о взятии Минска. После сообщения по радио в городе началась паника. Грабили магазины, били стёкла в учреждениях. Проходившие на фронт военные смотрели на эти безобразия равнодушно. «Как быстро всё разваливается, – подумал я тогда. – Не ожидал, признаться, что так быстро».

Милиция постреливала по паникёрам, больше для видимости, сам видел, как милиционеры, разогнав толпу выстрелами, набивали «сидоры» продуктами. На центральной площади один пьяный дед помочился на статую Ленина напротив обкома партии. Его тут же шлёпнули.

Я разжился консервами и двумя буханками хлеба в опустошённом советскими гражданами продмаге и отправился на вокзал.

Мною владели двоякие чувства. Как я ждал этого часа, часа крушения Советской власти, уже не чаял, уже не надеялся, и вот оно – кровавое и хаотичное мельтешение эпохи, дурачки солдатики, что едут на верную погибель, ополоумевшие от предстоящей неизвестности мирные жители. Не так я себе это представлял.

Я, конечно, далёк был от фантазии про воспрянувший духом русский народ, который единым порывом сбросит опостылевших большевиков и начнёт строить новую свободную жизнь. Насмотрелся в Гражданскую, как крестьяне, столь обожаемые петербургскими и московскими профессорами, нас, их от большевиков защищавшими, этим же большевикам при первом удобном случае сдавали. Насмотрелся, навоевался, больше не хочу. Но вот так, под немецким сапогом, лапотно шапку снимая и в три погибели кланяясь какому-нибудь Гансу-Вильгельму. Как бы не прав Каминский, не может быть в наше время государства без диктатора, без палки, хоть советской, хоть немецкой.

На вокзале царил полнейшая вакханалия. Штатские и военные орали друг на друга, НКВД и след простыл, всё пространство пола была заставлено чемоданами, тюками, ящиками, набитыми всякой ненужной дрянью. На перроне, посреди толкотни, сидела в обнимку с кактусом красивая дама, похожая на актрису и ревела в голос. Вдоль составов стояли редкие солдатики с винтовками, мрачно курили и упорно делали вид, что всё в порядке.

Ну что ж, мне к панике не привыкать, научили комиссары. Я побродил вокруг составов, выбрал литерный вагон и нагло скомандовал часовому: «Наркомфиндел!». Тот дёрнулся, поправил винтовку на плече, но в вагон пропустил.

Я не ошибся. В вагоне ехали партаппаратчики, судя по приглушенным разговорам, спешно эвакуированные из Белоруссии. Я вручил проводнику шмат сала и первач, взятые из дома.

- Пеняйте на себя, если документы проверят по дороге, – хмуро сказал проводник.
- Документы нормальные. Когда трогаемся?
- Не знаю, скажут. Постельного белья не дам.

– Перебьюсь, – я вышел в тамбур. В тамбуре курил высокий человек, одетый, несмотря на жару, в плотную байковую рубашку, на вид моих лет.

– Из Минска? – я тоже закурил.

– Из Витебска, – человек недоверчиво посмотрел на меня. – Зампредгорисполкома Штыло.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Я в ревизионном управлении служу наркомфиндела. Возвращаюсь в Москву из командировки.

– Домой, значит, – человек закурил новую папиросу. – Домой это хорошо.

– А вы куда?

– Не знаю, – человек тоскливо посмотрел на переполненный гражданами перрон. – Не знаю, никаких внятных указаний не поступало, не до того, знаете, было. Может, на фронт, а может в Алма-Ату. Ничего не знаю.

– Ну, на фронт и вы, и я по возрасту не очень подходим, – сказал я. – Страна большая, всех примем.

– Это, конечно, нелепые слухи, – сказал Штыло. – Даже провокационные, но говорят, в окружение под Минском больше миллиона наших попало. Если так будет продолжаться, и детей мобилизуют, и стариков.

– Броня крепка и танки наши быстры, – сказал я. – Не переживайте, победа будет за нами.

– Пойду в купе, – сказал Штыло. – Жена не любит, когда я надолго отлучаюсь.

Москва встречала как всегда беззаботно. В начале тридцатых мы жили здесь, снимали комнату в коммуналке на Самотеке, я учился в электротехническом институте по поддельным документам, на имя Якова Лошакова. С Ганночкой часто ходили в уголок Дурова, всего квартал от нашего дома. Ганночке нравился слон, а ещё больше маленькая девочка, внучка дедушки Дурова, которая танцевала на спине эlefанта с разноцветным обручем.

Когда дочка подросла, мы с Анной посоветовались и рассказали ей правду. В тех пределах, разумеется, которые в состоянии понять ребенок. «Считай, что это такая игра, – сказал я. – На улице и в школе ты будешь слышать одно, дома я и мама будем говорить тебе немножко другое. Тебе нужно научиться держать своё мнение при себе. Это не значит обманывать, просто перед тем, как что-то сказать, надо сначала как следует подумать».

Я выпил газировки на площади Киевского вокзала. Лёгкий город Москва, веселый, бесшабашный. Прохожие торопились на работу, мороженщицы раскладывали товар, в воздухе стоял обычный, немножко суетливый говор. Всё так, будто и нет никакой войны и будто немец застрял на государственной границе.

Может быть, так и надо, подумал я, что толку от мрачных причитаний и горьких стенаний. Бисмарк же говорил, что с Россией воевать бесполезно. С Россией – согласен, а с Совдепией? Бойся патрулей, сказал старый конспиратор внутренний голос, чем спокойнее в городе, тем больше энкэвэдэшников на улицах.

В каком-то смысле мой арест помог дочке. Теперь она была дочерью ссыльного, подкулачника, как любили говорить на собраниях, дружить с ней не то чтобы чурались, но отнормировались с объяснимой опаской. Меня переводили из одного сибирского захолустья в другое, не больше полгода на одном месте, Анна с Ганночкой ехали вслед за мной, друзья у неё просто не успевали появляться. Взрослая барышня, подумал я, кавалеры вьются, я не очень хотел, чтобы она уезжала из Локоти учиться в Москву, но с другой стороны, ей всё равно придётся встраиваться в эту советскую жизнь, папа и мама ей не помощники в этом деле, девчонка она умненькая, сумеет найти нужный баланс. Плохо, что война началась, только мы начали, как говорят большевики, выстраивать «правильную линию поведения». А теперь – хаос, ни линии,

ни поведения, главное – уцелеть под артобстрелом и облик человеческий постараться не потерять.

Общежитие техникума, где училась Ганночка, находилось в Хамовниках. В прошлой жизни, шестнадцатилетним юношей, перед поступлением в петербургский университет я приезжал сюда из Чернигова. Давний знакомый отца дядя Коля владел двухэтажным домом с мезонином на самом спуске к Москве-реке, с яблочным садом, даже с натуральным огородом, как выражались москвичи, аптекарским садом. Не помню, чем занимался дядя Коля, кажется, был инженером городской электростанции. Сын дяди Коли, тоже не помню, как его звали, года на два младше меня, показывал древнюю столицу, мы дурачились на Тверской, показывая барышням язык. Что с ними случилось, не знаю, да и дома, наверное, уже нет, снесли или перестроили «под уплотнение».

Общежитие занимало бывший корпус для паломников, уныло липнувший к величественной стене Новодевичьего монастыря. Двери были нараспашку, будка вахтера пуста, коридор был усыпан порванными газетами и промасленной бумагой, в которую обычно заворачивают колбасу или рыбу. Я поднял обрывок газеты. «Немец это не человек. Немец это скот. Поэтому души его голыми руками, рви его глотку зубами...» Статья была подписана Ильей Эренбургом.

«Ишь, как! – подумал я. – А ведь интеллигентный человек писатель Эренбург, в Германии учился, если мне память не изменяет. А он сам не хочет против танков с голыми руками...»

Нигде не было ни души. Неужели эвакуировали, тревожно подумал я, или в ополчение студенты подались. Разговоры о формировании народного ополчения, как в войну двенадцатого года, я слышал на улицах.

– Ганна! – крикнул я в гулкой тишине. – Ганна, отзовись!

– Папа! – Ганночка выглянула из самой последней по коридору комнаты. – Ты здесь! А я как раз вам с мамой письмо пишу.

– Слава богу! – я обнял дочку. – Собирай быстро вещи, уезжаем прямо сейчас, мама очень волнуется.

– Мальчишек всех мобилизовали на третий день войны, – рассказывала дочка, укладывая чемоданчик. – А нас, девчонок, отправили на курсы медсестер, и санитарками помогать в госпиталях. Ты поэтому меня и застал, что я после ночной смены. Начальница курсов сказала, что, возможно, скоро отправят на фронт, потери большие. Да я и сама от раненых слышала, какой ужас там творится, на западе.

– Нам эта власть чужая, – сказал я. – Мы её, дочка, защищать не будем. Как там под немцем будет, не знаю, знаю только, что с ними можно попробовать договориться. Это лучше, чем умирать из-за бездарей.

– Пап, а ведь мои документы в техникуме. Как без документов ехать?

– Прорвёмся, – уверенно сказал я. – Вокруг такой бардак. У меня большой опыт в этих делах. Готова? Тогда пошли.

Из Москвы выбрались чудесно. На Киевском вокзале я подошёл к начальнику одного из воинских эшелонов, капитану, по манере поведения из недавно призванных.

– Странно, – сказал капитан. – Все с запада бегут, а вы, напротив, туда.

– В Москве в командировке был, – сказал я. – Домой добраться надо.

– Дочка? – капитан посмотрел на Ганночку.

– Студенка, – сказал я.

– В лихую годину надо держаться вместе, – сказал капитан. – В вагонах у меня места нет, да и не пущу я дивчину к солдатакам. В паровозе поедете до Новозыбкова, оттуда своим ходом.

– Спасибо, капитан, – сказал я. – Предельно обязан.

– Сочтёмся, – ответил он. – Земля маленькая.

Домой доберёмся, поставлю в храме свечи и за себя, и за Ганночку, и за капитана. Домой. Дом давно стал меня понятием расплывчатым. Когда-то был родительский дом в Чернигове, отец и мать умерли от тифа во времена Центральной рады⁵, из-за моей дикой жизни я узнал о их смерти только в двадцать третьем году, когда удалось доехать до Чернигова. Мы с Анной были в городе моего детства всего несколько часов, сходили на кладбище и сразу уехали, слишком многие меня знали здесь в лицо.

Москва никогда не была домом, приходилось жить, озираясь как волку. Потом сибирские поселения, тюрьма, Локоть это первое место на земле, где я почувствовал себя спокойно.

В ту ночь, на двадцать пятое сентября 1941 года, я спал тревожно. Я видел бой на окраине Самары. Красные заняли почти весь город, моя пулеметная команда огрызается с третьего этажа бывшего дворянского собрания. Говорят, нам на выручку идут «капелевцы». Красные упорные, выложили на площади бруствер мешками с песком, из пушки бьют прямой наводкой по зданию. Дворянский дом ходит ходуном. «Наверное, так было в Помпее», – посещает меня глупейшая мысль. «Ленту давай, гимназист!», – кричу я помощнику. Я оборачиваюсь. Гимназист, полулежит, прислонившись к патронному ящику, на его лице нелепая улыбка трупа. Я слышу взрыв, пол проваливается подо мной, вместе с пулемётом я лечу вниз.

---

⁵ Первый украинский законодательный орган, в ноябре 1917 года провозгласил Украинскую Народную Республику. В конце апреля 1918 года Рада была упразднена в результате переворота гетмана Скоропадского, поддержанного немецкими оккупационными войсками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.